

Полет в четырёх измерениях навстречу свету

Post tenebras spero lucem

После тьмы ожидаю свет

(Эпитафия на могиле Д.А Сабинина,
первого руководителя Южного отделения
института океанологии им. П.П. Ширшова, РАН,
Геленджик)

Раковина моллюска рапана. Влажный розовый блеск перламутра. Шум морского прибоя в приложенной к уху пустой раковине. Вкус жаркого из рапаньего мяса с луком и майонезом. Пурпурно-малиновый цвет остатков жаркого в черной чугунной сковородке на следующее утро. Пурпур из биссусных нитей рапана/мюрекса в одежде императоров, императорский подарок – одна туфля красного сафьяна, чтобы одариваемый не мог публично носить императорский цвет. Мало кто наблюдал жизнь рапанов на дне моря, видел скопления этих моллюсков, размером от копеечной монеты до пятнадцати сантиметров, усеивающих гектары морского дна, зарывающихся в песок перед штормом, поедающих мидий, устриц и гребешков, слепившихся по две-три особи во время спаривания, облепленных мутно-белыми гроздьями собственной яйцевой кладки. Те, кто собирал рапанов на дне Черного моря в 1970-х годах, занимаясь этим делом с лета до середины осени, легкоодолазы по прозвищу «рапанщики», видели и знали много, но были заинтересованы только в получении красивых раковин, которые затем продавали изготовителям морских сувениров. Являясь единственным врагом рапаны, вылавливая её тоннами, они фактически и помогали мидии и устрице выживать в Чёрном море, в отличие от научных теоретиков, видевших моллюска в аквариуме и не снисходивших до бесед с грубыми «рапанщиками».

Рапана жилковатая (*лат.* *Rapana venosa*) — вид хищных брюхоногих моллюсков, раковина сферическая, короткая, с большим завитком. Цвет варьируется от серого до красно-коричневого с темно-коричневыми полосами на спиральных ребрах снаружи. Многие образцы имеют черные прожилки на раковине. Внутри раковины перламутр имеет все оттенки розового цвета. Изначально этот вид обитал в [заливе Петра Великого \(Дальний Восток\)](#) и у берегов [Японии](#), однако в первой половине [XX века](#) рапана была занесена в [Чёрное море](#). По причине отсутствия в море естественных врагов, например, [морской звезды](#), популяция моллюсков очень разрослась и нанесла большой ущерб фауне Чёрного моря. В частности, рапана массово поедает промысловых моллюсков [мидию](#) и [устрицу](#). Источник:

Википедия. Фото Георгия Чернилевского.

Что происходит за занавесом?

Поиск и добыча рапанов в море занятие долгое и трудное. Представляющая промысловый интерес, достаточно крупная ракушка живёт на глубинах 15-25 метров, что, в условиях анапского мелководья побережья Чёрного моря, означает 3-5 километров удаленности от берега. Бригада из трех «рапанщиков» уходит на день (час-полтора хода на моторке до места, где может быть, а может и не быть скопление рапанов), направление поиска выбирается произвольно по опыту и интуиции рулевого; работать на глубине надо поочередно по часу-полтора, с произвольной декомпрессией, которую каждый определяет себе сам, но так, чтобы избежать бича водолазов, «кессонки»; на обратном пути чистка (извлечение моллюска из раковины) пойманных рапанов с отделением мясистого мускула для приготовления на ужин, после очистки трех мешков рапанов набирается килограмма 2-3 чистого мяса.

Плавать с аквалангом вдоль дна на такой глубине в поисках ракушки, держа в руках пустую в начале, а затем, как повезет, наполненную собранными рапанами «гейшу» (самодельный мешок из рыбацкой 10-миллиметровой ячеи сетки с ручкой и горловиной из 8-миллиметровой проволоки-

катанки) занятие тяжелое, чтобы не всплывать лишний раз приходится нести в «гейше» килограммов до двадцати ракушки. Удобнее ходить по дну, имея на ногах тяжелые водолазные боты и повесив на широкий пояс с крючком-гаком 16-24 килограммовую гирию, используемую на катере вместо якоря-кошки, которую сбрасываешь на дно по прибытии на место. Катер, таким образом, буксируется по поверхности за фал (он же ходовой конец) этой гири-якоря, пока рапанщик ищет добычу или собирает найденную. Воздушный шланг, который был вытравлен обеспечивающим погружение напарником на нужную глубину до достижения дна, свободно болтается в толще воды, создавая при этом дополнительное сопротивление движению.

Использование акваланга на такой глубине дело очень дорогое (на день надо иметь как минимум 8-10 двухбаллонных аквалангов АВМ или «Украина»), тяжелое и неудобное, для смены баллонов надо всплывать, терять время и место (а вдруг попал на хорошее скопление ракушки).

Для получения и непрерывной подачи на рабочее место водолаза сжатого воздуха, рапанщики-профи используют двигатель типа УД с приводом на воздушный компрессор типа автомобильного ЗИЛовского, пару последовательно соединенных реконструированных бытовых баллонов для сжиженного газа - один, набитый ветошью и силикагелем (это у очень продвинутых) для фильтрации сжатого воздуха, второй используется в качестве резервного баллона-ресивера для стабилизации подачи воздуха и аварийного всплытия при выходе из строя компрессора. Воздух по шлангу высокого давления идет на рабочую глубину, где, через легочный автомат от акваланга типа «Украина», его потребляет водолаз. В более простом варианте сжатый воздух от компрессора подается напрямую в надетую на голову водолаза маску армейского противогаза, которая служит в качестве подводной маски и легочного автомата одновременно. Излишки поступающего воздуха стравливаются самостоятельно через щели в местах прилегания маски к лицу, нужный для дыхания воздух, с давлением, соответствующем глубине, потребляется. Вид рапанщика, работающего с таким устройством на дне, фантастический – особенно когда воздух от компрессора подается с избытком - шар из воздушных пузырей вместо головы идущего по дну водолаза в свитере и «трениках», те, кто побогаче в гидрокостюме «Садко», ГК или «мокрого» типа. Очень похоже на персонажей картины Репина «Бурлаки на Волге», только действие (буксировка катера с одновременным поиском/сбором ракушек) происходит под водой на глубине 15-25 метров и с грузом около 30/40 килограммов.

Ловчий азарт

В тот незабываемый тихий солнечный сентябрьский день 1976 года я натянул свой гидрокостюм «Калипсо», обул водолазные боты, застегнул широкий пояс с крючком для гири и привязанным воздушным шлангом, поплевал на стекло маски и сполоснул от запотевания, надел маску, взял в зубы загубник легочника от акваланга «Украина» и прыгнул в воду ногами вперед, прижав локти к груди и страхуя маску кистями рук. Облако воздушных пузырей, ощущение свободы и невесомости, шипение вдыхаемого воздуха и бубнение выдыхаемого, бьющего по ушам. Всё в норме. Проплыл вдоль борта к носовому якорному фалу и, перебирая его руками, пошел в сторону ещё невидимого дна.

Изменение температуры воды, цветовой гаммы, слои висящих парашютами в толще воды медуз, приближение дна, уже различима в серо-зеленых сумерках лежащая гиря-якорь, нацеплена на поясной гак, взгляд на глубиномер, показывающий 21 метр, и побежал рапанщик по дну, вертя головой-сканером в поиске ракушки. Вот первая схваченная рапана прячет тело внутрь раковины, закрывая вход кожистой подошвой, памятный розовый цвет перламутра из-за глубины стал блекло-серым, летит в мешок вторая. Запущена рука в песок под подозрительный бугорок и вырвана третья... - «гейша» наполняется, наполнилась, доставлена на поверхность, взята пустая и работа продолжается, можно поработать еще минут тридцать. Место хорошее. Рапана много.

Что-то с подачей воздуха стало хуже. То льется свободно, а то приходится тянуть, всасывать, но это знакомо, бывают перебои с двигателем наверху, в ресивере запаса воздуха минут на пять хватит, может всё образуется, бросать скопление ракушки жалко, не хочется терять время, подниматься на поверхность. Может всё ещё образуется, воздух пойдет ...ещё пару рапанов взять, воздуха почти нет, сильное сопротивление вдоху, пора подниматься.

Миг между прошлым и будущим...

Гирю снимаю с крюка. Вместо неё цепляю «гейшу» с ракушками и иду по фалу наверх, перебирая его руками. Метров через десять руки натываются на узел из запутанного течением и движением воздушного шланга и фала, пытаюсь распутать этот «жвак», не получается, губы немеют, понимаю, что надо подниматься на поверхность, продолжаю движение... и прихожу в себя, осознав, что вместо поверхности приближаюсь к дну, снова перед собой вижу белый фал, идущий в темноту к лежащей на дне гире.

Переворачиваюсь, меняя направление движения, ползу наверх, снова под руками узел из фала и шланга, не останавливаюсь, выше, выше, подняв голову, вижу вдалеке светлое пятно, днище катера, воздуха нет, грудь вибрирует, хочется сделать вдох, а воздуха нет. Мысленно слышу голос спокойного ныне Анатолия Пономаренко, водолазного специалиста Новороссийской АСПТР, который, во время дружеской посиделки за рюмкой после погружений, как-то сказал: «Если будешь под водой погибать, последнее, что ты должен сделать, это полный выдох, и только после этого вырубайся, дай тем, кто тебя, *может быть*, будет откачивать, достав тело с глубины, шанс спасти тебя, а не добивать, делая искусственное дыхание при кровящих альвеолах, порванных остаточным повышенным давлением в легких из-за спазма голосовой щели на глубине. Баротравму легких, разрыв альвеол можно получить и при разнице давления в 0,3 Атм.».

Сил нет, голос звучит, сознание путаное, но понимаю, что этот последний выдох я и должен теперь сделать, обматываюсь рукой вокруг фала, резко дергаю его, пытаюсь подать наверх сигнал тревоги, *может быть* достанут всё-таки, делаю полный выдох, если то, что остаётся в легких можно назвать так, воздух поднимается не большими пузырями, а мелко рассыпанными в воде серебристыми подвижными ртутными шариками, я реально вижу свой последний в жизни выдох. Это улетает вверх моя жизнь, но это осознание происходящего со мной уже не страшит, азарт борьбы уже позади, мне хорошо и не хочется ничего...приходит ощущение свободы и легкости, начинает кружить и нести вверх по темному тоннелю-трубе, впереди яркий, белый, но не ослепляющий, а пронзительно-мягкий, комфортный свет, становится очень, очень хорошо...

Возвращение в жизнь

Сознание включается. Надо мной лицо Игоря Сударкина, широко известного в узких научных водолазных кругах месячным проживанием на 30-ти метровой глубине в составе экипажа подводного дома «Черномор», с которым ушли в море за рапаном, в дверной проем рубки катера заглядывает москвич Гена Маляров, шум мотора, делаю вдох, понимаю, что дышу, чувствую какую-то внутреннюю злость и произношу, сам того не понимая: «Зачем вы это сделали?» Дальше всё осознаю путано, друзья пытаются объяснить мне, думая, что вопрос относится к порванному комбинезону, что так получилось, мол, доставали, откачивали, и прочее... «Его с того света вернули, а он про костюм порванный толкует. Заклеишь потом, и все дела».

Но они не понимают, что меня разозлило осознание того, что у меня отняли мой свет, к которому я летел, и это меня очень глубоко огорчает.

Потом, уже на берегу, вытащив на песок катер и доставив подвесной мотор, мешки с добычей в лагерь, от этой работы меня освободили из-за кашля и боли в связке коленного сустава,

растянутой во время извлечения тела из воды, после выпитых кружек сладкого чая, производим «разбор полетов», пытаюсь понять, что да как случилось.

Объективная схема проста. Обычное разгильдяйство и самоуверенность опытных водолазов. Все уверены друг в друге, никто никого не «пасет» даже под водой, привычный усыпляющий рокот мотора компрессора, спокойное море, тепло, обеспечивающий погружение дремлет на солнышке думая о своем родном, и только тогда, когда до него доходит, что клапан избыточного давления ресивера, в быту называемый «пердунчик», слишком часто срабатывает, сбрасывая излишнее давление, начинает осматривать поверхность моря в поисках головы поднявшегося водолаза. Никого не видит, воздушных пузырей от работающего на глубине водолаза тоже нет, начинает дергать фал, подавая сигналы находящемуся на дне, ответных сигналов не получает, подключается второй человек, начинают выбирать шланг и ходовой конец и извлекают на поверхность, наконец, моё тело обмотанное фалом. Вес тела с намотанным фалом гири-якоря, шлангом превышает сто килограммов, гидрокомбинезон скользит в руках, всё это надо поднять на палубу. Справились. Воды в легких нет, признаков баротравмы и разрыва альвеол нет, начали качать. Прошло, по примерным подсчетам, минут пятнадцать, а с учетом времени, потраченного на искусственное дыхание и все двадцать минут, до того, как прозвучал мой вопрос, расцененный как зловерный и неблагодарный в адрес моих спасителей.

Эпилог

Только теперь до меня начинает доходить суть случившегося. Но моё «сухое» утопление (если в легких у утопленника нет воды, то лицо остается белым, поэтому такое утопление называется «сухим» или «белым», а если вода попала в легкие, то лицо будет посиневшим), нетравматичная перегрузка альвеол лёгких из-за рефлекторных попыток высасывать воздух низкого давления из шланга, травма связок коленного сустава, все симптомы только что пережитой клинической смерти - всё это кажется мелким и далеким по сравнению с потерянной радостью предстоящей встречи со Светом.

После моего рассказа о событии в деталях, занявшего остаток вечера, друзья, возвращавшие меня в сознание, были удивлены этим описанием, повторявшим эпизоды из появившейся тогда в списках книги Роберта Моуди «Жизнь после жизни», спрашивали, читал ли я эту книгу, о которой Гена слышал, а Игорь даже читал отрывки. Я об этой книге тогда не слышал, не читал её до настоящего времени, хотя уже слышал и видел по телевизору разные беседы на эту тему, но читать не хочется и сейчас, чужой опыт не интересен –
Я ВСЁ ПРОЛЕТЕЛ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ САМ!

Отдохнул, к врачам не обращался, колено и дыхание восстановил самостоятельно, и через неделю, в том же составе и примерно в том же месте снова погружался, при этом, друзья помогавшие натягивать гидрокомбинезон, старательно изображали безразличие, я делал вид что мне всё по-фигу, хотя было интересно, не замандражирую ли на глубине, как бывает даже с опытными парашютистами, уже в самолете вдруг отказывающимися от прыжка. Но все прошло как обычно, и это даже удивило, но обрадовало.

Я сохранил счастье общения с морем и полетов в четырёх измерениях.

Тимур Танащук

Геленджик, январь 2010 год

e-mail: timurtan@mail.ru